

«Увы, увы!» – твердят они не раз.
Два-три примера вдосталь говорят,
Но я б набрал и тысячу подряд.
Там статуя Венеры, вся сверкая,
В обширном море плавала нагая;
Ее до чресел море облегло
Волной зеленой, ясной, как стекло.
В ее деснице – лютня золотая,
Над головой голубок реет стая,
А на кудрях, являя вид приятный,
Лежит из роз веночек ароматный.
Пред ней стоит малютка Купидон,
Два крылышка на спинке носит он,
К тому ж он слеп (как всякий часто зрел),
В руке же лук для светлых острых стрел.
А почему мне не поведать вам
О живописи, украшавшей храм,
Что герцог Марсу ярому обрек?
Расписан был он вдоль и поперек.
Подобно недрам страшного чертога,
Большой божницы яростного бога
В краю фракийском, хладном, ледяном,
Где, как известно, Марсов главный дом.
Там на одной стене была дубрава,
Где все деревья стары и корявы,
Где остры пни, ужасные на вид,
Откуда зверь и человек бежит.
Шел по лесу немолчный гул и стук,
Как будто буря ломит каждый сук.
А под холмом, прижат к стене откосной,
Был храм, где чтился Марс Оруженосный,
Из вороненой стали весь отлит;
А длинный вход являл ужасный вид.
Там слышен был столь дикий вой и рев,
Что ворота дрожали до основ.
Лишь с севера сквозь дверь струился свет:
Отсутствовал окошка всякий след,
Откуда б свет мог доходить до глаза,
А дверь была из вечного алмаза,
Обита крепко вдоль, и вширь, и вкось
Железом; и чтоб зданье не тряслось,
Столп каждый изумительных палат,
Сверкавший сталью, с бочку был в обхват.
Там мне предстал Измены лик ужасный,
Все Происки и Гнев багряно-красный,
Как угли раскаленные в кострах,
Карманная Татьба и бледный Страх,
С ножом под епанчою Лыстец проворный,
И хлев горящий, весь от дыма черный,
И подлое убийство на постели,
Открытый бой, раненья, кровь на теле,
Раздор с угрозой и с кровавой сталью...
Весь храм был полон воплем и печалью.
Самоубийцу я увидел там:
Живая кровь течет по волосам